

УДК 811.161.1 *42

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСФЛУЭНТНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРА

*канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Интерпретируются результаты исследования дисфлуэнтности в вербальном поведении мужчин и женщин четырех культур: белорусской, русской, английской и американской. Общие показатели дисфлуэнтности гендерно мало дистинктивны, в то время как многие их разновидности обнаруживают значительные корреляции с гендером говорящего.

Дисфлуэнторы, т.е. самоперебивы, одновременное говорение, случаи колебания, обдумывания, ложных начал, повторов, вокализованных реакций, прерываний речи собеседника все чаще становятся объектом пристального внимания самых разных направлений современной лингвистики. В течение долгого времени, однако, любые знаки дисфлуэнтности воспринимались как отклонение от структуры, нарушение инварианта, проявление идеалектности. Данную точку зрения поддерживали даже те направления, которые изучали особенности употребления языка. Об этом говорит, например, утверждение о том, что лексический дисфлуэнтор «well» представляет собой не что иное, как знак несоответствия высказывания конврсационной максиме количества. При таком подходе «well» в фрагменте

1. A: Where are my glasses?

B: Well, they're not here [1, с. 162]

интерпретируется как помеха. Полагается, что, по крайней мере, хотя бы одно из его значений заключается в осознании говорящим своей неспособности удовлетворять требованию количества в полной мере [2].

Такой подход, однако, заставляет признать некоторую неадекватность подавляющего большинства интеракций, ибо даже в самых подготовленных и взвешенных ситуациях не удается избежать знаков дисфлуэнтности. Фрагменты типа

2. A: Could I have a word with you?

B: Well, not not at the moment I am afraid

изобилуют в наших записях аутентичного общения во всех изучаемых культурах (белорусской, русской, английской, американской), а также в тех многочисленных актах общения, которые нам удалось наблюдать в течение многих лет работы над темой.

Оправданными поэтому представляются выводы тех исследователей, которые считают, что лексические дисфлуэнторы могут выполнять определенную роль в устном тексте, быть сигналами его релевантности, опорами пространства его межфразовых и внутрифразовых связей [1, с. 162]. Появились работы о дисфлуэнторах как знаках обдумывания, об их роли, в пределах определенной частотности, в облегчении понимания услышанного [3, с. 374 - 76]. Вместе с тем общепринятая точка зрения на сущность дисфлуэнтности все еще весьма осторожна и чаще всего солидаризуется с Халидзевской интерпретацией, согласно которой дисфлуэнторы есть не что иное, как неизбежные пометки в устной речи ввиду полной невозможности последующего их устранения, как это имеет место в письменной речи [4, с. 76].

Настоящее исследование выполнено в русле тех работ, которые не только признают естественность дисфлуэнтности, но и предполагают, что у дисфлуэнторов может быть своя роль в аутентичном вербальном поведении. Именно такой подход стал актуальным для целого ряда направлений современной лингвистики, особенно конврсационного анализа, прагматики, психолингвистики. На наш взгляд, актуален он и для гендерных исследований, особенно в связи, с одной стороны, с многочисленными выводами о большей нормированности женской речи, с другой - с утверждениями об ее алогичности, недостаточной связности, хаотичности. Изучение дисфлуэнтности может также дать некоторые сведения для поддержки или, наоборот, опровержения некоторых популярных направлений гендерных исследований.

Мы описываем результаты изучения гендерных различий в употреблении и интерпретации средств дисфлуэнтности с учетом целого ряда социальных, ситуативных и структурных переменных, а именно: возраста и образования коммуникантов, выполняемых ими ролей в коммуникативном событии, темы разговора, степени ее новизны или абстрактности, длины высказываний и их составляющих, отношений между говорящими.

Исходной гипотезой исследования была следующая:

1. Дисфлуэнтность в определенных пределах является положительным и неотъемлемым свойством аутентичного говорения.

2. Показатели употребительности явлений дисфлуэнтности (т.е. дисфлуэнторов) могут быть обусловлены гендером говорящего субъекта и, таким образом, способствовать артикуляции гендера языковыми средствами.

Цель настоящего исследования - установление роли дисфлуэнторов в устной речи и определение возможных гендерных отличий в реализации дисфлуэнторов в свободном говорении.

Для достижения поставленной цели были сформулированы конкретные задачи, для решения которых работа проводилась по следующим этапам:

1. Регистрация всех случаев реализации дисфлуэнтности в записях аутентичного коммуникативного поведения, т.е. самоперебивов, одновременного говорения, колебаний, обдумывания, ложных начал, повторов, прерываний речи собеседника, вокализованных реакций.
2. Классификация и систематизация полученных данных.
3. Определение частотности дисфлуэнторов: а) общей, б) свойственной определенному гендеру с учетом принадлежности коммуникантов к определенной культуре, их образования, возраста, а также в зависимости от некоторых характеристик самих высказываний, т.е. длины, особенностей передаваемого ими смысла.
4. Выявление значимости средств дисфлуэнтности для создания полноценного текста или фрагмента коммуникативного поведения.

Специальных записей с заранее сформулированной целью в том или ином ракурсе изучать дисфлуэнторы, как это делалось в известных нам исследованиях по проблемам дисфлуэнтности, нами не проводилось. Наше исследование явилось частью изучения аутентичного коммуникативного поведения в четырех культурах (белорусской, русской, английской и американской). И вопрос о дисфлуэнтности в нашем исследовании вначале был частью вопроса об адекватности произведенных нами записей коммуникативного поведения. Длительные наблюдения автора и всего коллектива гендерного центра, а также многочисленные записи общения, когда коммуниканты не знали, что их речь фиксируется на пленку, тщательное изучение количественных показателей дисфлуэнтности и сопоставление их с результатами других авторов, убедил нас в адекватности записанных текстов, оправданности интереса к явлениям дисфлуэнтности, важности данной тематики для исследований коммуникативного поведения вообще и гендера в частности.

Данные соображения, а также то, что явления дисфлуэнтности составляют неотъемлемую и весьма заметную черту, практически, всех записанных нами фрагментов свободного говорения и побудили нас уделить дисфлуэнтности специальное внимание и включить ее в предмет нашего исследования.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что дисфлуэнтность является характерной особенностью свободного говорения. По нашим данным, приблизительно 6,05 % слов на каждые 100 слов текста являются дисфлуэнторами. Приведенная цифра с незначительными модификациями соответствует особенностям свободного общения на белорусском, русском, английском и американском языках. Представленный нами показатель соответствует данным известных исследований дисфлуэнтности, выполненных, правда, на материале анализа специально организованного общения [5, с. 135 - 140; 6, с. 734]. Данное соответствие (6,00 % и 6,1 % у цитируемых авторов) позволяет говорить о константном характере меры дисфлуэнтности, ее независимости от конкретного языка, ибо в нашем исследовании приведенная цифра была получена на основе данных общения в четырех культурах. Выявленное совпадение (6,025 % - американская культура, 6,05 % - белорусская, 6,05 % - английская и 6,075 % - русская) указывает на то, что в список универсальных черт порождения речи правомерно внести и дисфлуэнтность в определенных пределах.

Изучение роли дисфлуэнтности позволило получить данные, убедительно свидетельствующие о положительной роли знаков дисфлуэнтности. Тексты аутентичных инструкций-разъяснений и лекций, из которых были изъяты все естественным образом возникшие дисфлуэнторы, потеряли в степени понимания при восприятии их на слух в специальном эксперименте. Кроме того, во многих случаях такие экспериментальные фрагменты переставали восприниматься как акты свободного говорения. Зачастую они идентифицировались как заранее продуманные, подготовленные сообщения, даже как воспроизведение на память.

Изменение глубины восприятия смысла текста прослеживалось даже в эксперименте на материале небольших, практически, однофразовых реплик. Примерами таких реплик могут быть следующие:

3. *Then take the sec- uh the the the third turning on the right.*

4. *naz.mdaïy дру- У у першай у першай шуфлядцы. Там ен навшей быць.*

Предъявленные группе информантов в специальном эксперименте, они воспринимались более точно и легко именно в обозначенном аутентичном виде, а не в измененной «правильной» форме, т.е. без вокализованных вставок *uh* и *У*. Еще четче различия в скорости и точности понимания прослеживались, если из аутентичных реплик удалялись не только перечисленные вокализаторы, но и все ложные начала, повторы.

В нашем эксперименте при полном удалении дисфлуэнторов из реплики 4 один из десяти информантов при прослушивании описываемого фрагмента дважды прокручивал назад пленку, чтобы уяснить, где должен быть искомым предмет. Еще двое посчитали нужным прослушать реплику один раз дополнительно. Двое других без дополнительного прослушивания поняли ее смысл не совсем верно, уловив только, что нужный предмет находится «у шуфлядцы», и были искренне убеждены в отсутствии инфор-

мации о том, в какой именно шufflingке следует ее искать. Результат понимания с первого предъявления, таким образом, составил 50 %.

Сохранение аутентичной формы обсуждаемой реплики значительно улучшило процент успешного понимания смысла. Только один информант затруднялся с ответом, где искать нужный предмет - то ли в первой, то ли во второй шufflingке. Результат понимания в случае присутствия всех дисфлуэнторов в экспериментальной реплике составил 90 %.

Представленные результаты были получены в эксперименте с информантами, имеющими высшее образование. Уровень образования оказался весьма значимой переменной при восприятии бездисфлуэнтных фрагментов, что особенно четко прослеживалось при прослушивании образцов, состоящих из значительного количества фраз - инструкций, описаний, рекомендаций. Но и отдельные бездисфлуэнтные, «правильные» экспериментальные высказывания все-таки, в целом, несколько лучше и быстрее воспринимались именно информантами с высшим образованием как мужчинами, так и женщинами. Так, обсуждаемая фраза, повествующая о шufflingке, оказалась верно понятой только четырьмя информантами с незаконченным средним образованием в бездисфлуэнтном виде с первого предъявления. Информантам с законченным средним образованием в большем количестве случаев потребовалось повторное прослушивание, хотя общая результативность в данной группе после первого предъявления также составила 50 %.

При прослушивании реплики 3 в аутентичном виде два информанта сочли нужным уточнить, действительно ли следует повернуть вправо на третьем переулке. Восприятие «правильной», бездисфлуэнтной реплики привело к другой потребности. «Куда, куда повернуть?» спросили опять-таки два информанта. Их вопрос представляется более обширным, а зона непонимания больше. Таким образом, несмотря на то, что результативность понимания при первом предъявлении в эксперименте составила 80 %, пространством непонимания в оставшихся 20 % оказалось обширнее в эксперименте с модифицированной, правильной репликой.

Зафиксированная многими исследователями меньшая нацеленность на слушание коммуникантов-мужчин, если их собеседницей является женщина, в описываемом эксперименте не подтвердилась ни в одной из сопоставляемых культур. Вероятно, потому, что перед каждым информантом была поставлена конкретная задача, и все они стремились ее выполнить. В реальном же общении возможны ситуации, в которых такой нацеленности может и не быть. Кроме того, общеизвестно утверждение о лучшей слышимости мужского голоса, в соответствии с которым информация, реализованная в женском голосе, воспринимается хуже независимо от того, кто воспринимает данную информацию, мужчина или женщина. Следуя данному представлению, в определенный период были даже введены ограничения на женские голоса в сфере дикторской деятельности на радио. Результаты нашего эксперимента позволяют предположить, что постоянное присутствие женских голосов на радио и телевидении в настоящее время дало возможность обществу привыкнуть к специфике женских голосов. Последние уже не затрудняют восприятия реализованной в них информации. Слышимость, таким образом, в определенной степени представляет собой социальный феномен.

Возвращаясь к теме дисфлуэнтности и суммируя полученные данные, правомерно отметить, что дисфлуэнторы не только облегчают планирование речи, но также благоприятствуют ее полноценному восприятию. А если учесть данные по изменению интерпретации общего характера говорения в случае удаления всех дисфлуэнторов (отнесение спонтанной речи к шаблонной, заученной, формальной, даже к говорению с опорой на письменный текст), то возможно признать, что дисфлуэнторы являются маркерами подлинно свободной речи или, пользуясь принятыми некоторыми исследователями терминами, опорами аутентичного устного текста (дискурса) [1, с. 162].

Приведенные средние цифры дисфлуэнтности, однако, не более чем обобщенные ориентиры. В реальных речевых действиях частотность дисфлуэнторов весьма вариативна и очевидным образом формируется в результате влияния целого ряда самых разных факторов. Некоторые из них специально изучались в нашем исследовании. Так, *возраст* говорящих оказался сравнительно малозначимым фактором. Его влияние прослеживается только в пределах старшей группы коммуникантов, причем в ее наиболее возрастной части, т.е. у говорящих в возрасте 56 и более лет. Коммуниканты данной группы допускали несколько больше дисфлуэнторов в своей речи во всех анализируемых культурах. Средний показатель находится в пределах 6,2 - 6,35 %, в то время как у коммуникантов среднего возраста (26 - 45 лет) и молодых (17-25 лет) аналогичные цифры находятся в пределах 5,8 - 5,9 % и 5,7 - 5,8 % соответственно.

Тема разговора оказалась более значимым фактором в плане дисфлуэнтности. Так, по нашим данным, абстрактность проблемы неизбежно приводит к большему количеству дисфлуэнторов во всех возрастных группах. Общий процент дисфлуэнтности оказался заметно выше при обсуждении относительно абстрактных явлений, даже если фразы при этом не отличались значительным удлинением. Средняя цифра для нашего материала составляет 6,8 %. Такая же цифра соответствует говорению с большим количеством длинных и сложных по композиционному составу высказываний - 6,85 %.

Дисфлуэнтность возрастает также, если коммуникант выполняет более *ответственную роль* (руководителя, директора), что соответствует данным известных работ в области дисфлуэнтности. Сказанное верно, однако, только в отношении общественной, публичной сферы. Выполнение более ответственной роли в частной, домашней, сфере не ведет к столь радикальному увеличению дисфлуэнтности речи.

Культурные различия по общим показателям дисфлуэнтности не зафиксированы даже с учетом факторов возраста, темы, роли коммуниканта в данном событии, что говорит об универсальном характере порождения данного явления.

Сказанное верно и о факторе образования. Увеличение уровня образования во всех сопоставляемых культурах соотносится с меньшими общими показателями дисфлуэнтности. Более того, как показал эксперимент, с удалением дисфлуэнторов из подлинного текста, в большинстве случаев более высокий уровень образования оказался соотносимым с лучшим восприятием правильной, бездисфлуэнтной речи.

Гендерные отличия по общим показателям весьма проблематичны. В нашем материале общий процент дисфлуэнтности с учетом гендерной принадлежности оказался следующим (табл. 1):

Таблица 1

Общие показатели дисфлуэнтности в свободном говорении с учетом гендера (в %)

Культура	Белорусская		Русская		Американская		Английская	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Дисфлуэнтность	6,2	5,9	6,25	5,9	6,15	5,9	6,1	6,0
Общие цифры	6,05		6,075		6,025		6,05	

Как видно из показателей приведенной таблицы, гендерная артикуляция на основе общих показателей дисфлуэнтности прослеживается в такой же незначительной степени, как и возраст. Единственная заслуживающая внимания особенность состоит в том, что немного более высокие показатели дисфлуэнтности соотносятся с мужским свободным говорением во всех культурах. Привлечение других изучаемых нами сопутствующих факторов (образования с учетом его видов и уровня и т.д.) несколько изменило представленную картину, особенно если дифференцировать встречающиеся в нашем материале дисфлуэнторы по разновидностям. Оказалось, что дисфлуэнторы типа *uh*, *э-э*, *гээ* имеют некоторую специфику распределения по сравнению с повторами, ложными и многократными началами. Неслучайно некоторые исследователи склонны интерпретировать их не только как дисфлуэнторы, но и как средства межличностной координации.

Гендер, образование и дисфлуэнтность. Наши данные показывают, что уровень образования весьма важный фактор в плане дисфлуэнтности (табл. 2). Даже тип высшего образования имеет заметную значимость. Так, при общей тенденции уменьшения показателей дисфлуэнтности с увеличением уровня образованности наблюдается некая специфика в зависимости от того, какое конкретно образование имеет коммуникант. По нашим данным, гуманитарии заметно чаще оказывались склонными к реализации дисфлуэнторов, чем представители точных наук. Однако речь гуманитариев отличалась большей метафоричностью, в ней больше прилагательных, интонационно она более разнообразна. По-видимому, выбор из большего арсенала средств также является процессионной трудностью, непосредственно связанной с показателями дисфлуэнтности. Данная особенность, однако, проявляется у обоих гендеров, поэтому ее можно считать гендерно нейтральной.

Таблица 2

Общие показатели дисфлуэнтности в зависимости от уровня образования (в %)

Культура	Белорусская		Русская		Американская		Английская	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Высшее гуманитарное образование	5,3	5,3	5,2	5,3	5,5	5,3	5,1	5,3
Высшее техническое образование	5,0	4,9	5,0	4,8	5,1	4,9	4,9	4,8
Среднее образование	6,2	5,7	7,5	5,8	6,65	5,9	6,8	5,7
Незаконченное среднее образование	8,3	7,7	7,3	7,9	7,35	7,8	7,6	8,2

Гендерные различия у коммуникантов со средним образованием прослеживаются более четко. Во всех культурах в той или иной степени речь женщин со средним образованием менее дисфлуэнтна, что соответствует общеизвестному выводу о большей нормативности женского говорения. Незаконченное среднее образование, однако, несколько по-другому артикулирует гендер средствами дисфлуэнтности. Во всех культурах, кроме белорусской, женщины с незаконченным средним образованием имеют более высокий показатель дисфлуэнтности. Что, как убедительно свидетельствуют данные Милрой и других исследовате-

лей, связано с более четким следованием женщин данной группы другой, не общепринятой социальной норме. Несколько иная картина данных в белорусской культуре, по-видимому, объясняется культурно специфичной ролью кода молчания в данной культуре, несколько меняющего показатели употребительности знаков дисфлуэнтности белорусками. В настоящем исследовании в соответствии с традициями изучения дисфлуэнтности паузы и перерывы молчания не считаются дисфлуэнторами. Последние, однако, могут, по всей вероятности, определенным образом влиять на общую картину дисфлуэнтности.

Суммируя полученные данные, можно утверждать, что фактор образования имеет непосредственное отношение к артикуляции гендера средствами дисфлуэнтности. Среднее и незаконченное среднее образование способствует реализации определенной, свойственной каждому из них, меры дисфлуэнтности. Высшее - нивелирует гендерные различия по количественным показателям употребительности анализируемых средств, подтверждая заодно социальную сущность гендера как явления. Данная нивелировка, однако, не приводит к уравниванию гендеров в плане дисфлуэнтности. Ведь, помимо характерной общей частотности, гендерная специфика может передаваться особенностями употребления каждого из отдельных средств дисфлуэнтности.

Употребительность дисфлуэнторов по видам. Прежде всего среди них целесообразно выделить так называемые вокализованные сигналы или заполнители молчания. То есть всевозможные *uh*, *mm*, *гэ-э* и т.д. Представляется возможным согласиться с мнением ряда исследователей дисфлуэнтности, что данная ее разновидность соотносится не только и не столько с трудностями планирования речи, но и с интенциями коммуниканта координировать действия в целях поддержания диалога, сохранения или развития отношений [7, с. 165 - 166; 8, с. 239]. Результаты настоящего исследования подтверждают данное мнение. Так, в нашем материале встречаемость вокализованных сигналов не соотносится с длиной интонационной группы, фразы или высказывания. Хотя такое соотношение в той или иной мере характерно для других дисфлуэнторов. Частотность последних, как правило, связана с трудностями планирования речи несколько по-другому, чем это имеет место с вокализованными сигналами. Всевозможные *uhm*, *uh*, *ета-а*, *э-э*, *м-м* и т.п. в ряде случаев направлены на сугубо координационную функцию, манифестируя усилия коммуниканта осуществить совместное действие, лучше скоординировать интерактивный процесс, осуществить смену реплик. Кроме того, они информируют слушателя об эмоциональных состояниях говорящего, в значительном количестве случаев исчерпывающе подсказывают направление тона в ядерном участке интонационных групп, информируя таким образом о смысле, передаваемом общим просодическим рисунком, а в некоторых случаях предупреждая о наиболее общем смысле высказываний в целом.

Результаты нашего исследования показывают, что женщины во всех сопоставляемых культурах прибегают к вокализованным знакам несколько (хотя и незначительно) чаще, чем мужчины. Хотя высшее образование, особенно техническое, практически стирает это минимальное различие. Вместе с тем в целом, если принять все вокализаторы, манифестируемые в речи коммуникантов одной культуры за 100 %, то окажется, что на долю белорусских женщин приходится 52,5 %, русских - 52,5 %, английских и американских - 51,25 %. Основные смыслы, передаваемые дисфлуэнторами данной разновидности, можно свести к следующим:

- 1) «захват» инициативы, сигнал о том, что говорящий продолжит разговор, что он готовится нечто сказать. Чаще всего такие вокализаторы располагаются в самом начале реплики или непосредственно сразу после первого слова или даже слога, звука;
- 2) эмоциональный сигнал, информирующий об эмоциональном состоянии говорящего. В таком случае локализация вокализаторов может быть любая, хотя чаще всего они встречаются перед началом говорения;
- 3) предвестник общего смысла, когда, например, направление движения тона и его крутизна во время произнесения вокализатора сообщает об общем смысле предстоящего высказывания - сомнения, удивлении, настоятельном утверждении и т.п.;
- 4) прямой сигнал преемственных трудностей, говорящий об обдумывании, о том, что коммуникант ищет, что сказать;
- 5) косвенный сигнал преемственных трудностей, когда говорящий, скорее знает, что сказать, но ввиду некоторых интенций предпочитает заявить, что он «не знает ответа», «не уверен». Например: *But that is a clue, isn't it? Well, uh, uh, uh, I don't know;*
- 6) сигнал поддержки разговора, разделения настроения, чувств с другим коммуникантом, направленный на поддержку отношений в целом или, конкретно, поддержку разворачивающегося диалога.

Почти равная мера вокализаторов, зафиксированная в поведении гендеров, оказывается весьма поразному востребованной ими в их поведении. Так, вокализаторы-захваты инициативы составляют почти 30 % от общего числа вокализаторов, реализованных мужчинами. В среднем, 55 % других приходится на прямые и косвенные сигналы преемственных трудностей. И только 15 % - на эмоциональные сигналы, предвестники и сигналы поддержки. Данные цифры являются средними показателями. Некоторые отли-

чия наблюдаются в поведении англичан и американцев, проявивших несколько большее количество сигналов поддержки (англичане, американцы) и предвестников (американцы), но, соответственно, меньше прямых сигналов процессионных трудностей.

Женское поведение проявляется в употреблении разновидности дисфлуэнторов-вокализаторов в заметно других количественных соотношениях. Во всех культурах у женщин значительна доля эмоциональных сигналов. Самые большие цифры соотносятся с поведением американок - 40 %. Кроме того, у женщин чаще наблюдается наложение эмоционального сигнала на захват и предвестник. В среднем, таких наложений зарегистрировано 15 %, причем, у американок их наблюдается больше, чем у представительниц других культур (20 %). Менее всего эмоциональные смыслы через дисфлуэнторы-вокализаторы характеризуют поведение белорусок, но и у них эмоциональные вокализаторы встречаются чаще, чем у мужчин (30 % и 12,5 % смешанных). Дисфлуэнтные сигналы эмоциональных состояний, помимо различных показателей общей употребительности, оказались весьма гендерно специфичными по обозначению конкретных эмоций. Так, сигналы боязни, испуга, страха и особенно тревоги и возбуждения оказались характерными для вербального поведения женщин во всех культурах. В мужской речи такие сигналы реализуются весьма редко. Зато в ней значительно больше дисфлуэнтных знаков раздражения, сильной досады, категоричности, даже нетерпимости и гнева. Настоящее исследование, таким образом, полностью подтверждает вывод психологов о значимости эмоций в дифференциации гендеров.

Другой отличительной особенностью женского общения являются сигналы поддержки, реакции повторы-солидарности с говорящим, например:

5. *A: And then we 'll uh ...*

B: Uh ...

A: We 'll see it then, yes.

6. *A: А тады трэба даехаць да таго-о ... э-э таго-о э-э ...*

B: Э-э...

A: Э-э ... Вось дзе тая дарога на дубкі паварочвае.

B: Што перад соснамі?

A: Ага. І неўправа павярнуць ... павярнуць не ўправа, аўлева.

Вторые реплики в приведенных фрагментах принадлежат женщинам и реализованы в форме вокализаторов. Последние в таких случаях, по сути, являются уже не дисфлуэторами, а знаками внимания, ибо явно нацелены на поддержку другого коммуниканта, сигнала о сопереживании, внимании, даже, фактически, совместном совершении действия. Вместе с тем их форма полностью совпадает с формой типичных дисфлуэнторов. И хотя знаки внимания, поддержки собеседниками нами не включаются в непосредственный список дисфлуэнторов ввиду того, что они представляют собой особую группу реакций, пограничные случаи типа представленных в приведенных примерах все-таки трактовались нами как разновидность вокализаторов сугубо по формальному признаку. В представленных фрагментах реплики женщин (uh... и э-э...) являют собой повтор дисфлуэнтной части реплики предыдущего собеседника и сигнализируют они не столько о трудностях процессирования, как в репликах мужчин, сколько о разделенности действия, поддержке, сопереживании.

Дисфлуэнторы такого типа (дисфлуэнторы-эхо) имеют ограниченную частотность в женской речи, в среднем, всего 5 %. Однако они весьма однозначно артикулируют гендер. В мужской речи в нашем материале они зафиксированы всего 3 раза. Два примера оказались фрагментами беседы мужчины с ребенком, т.е. реализованными в типичной ситуации, когда мужчина может прибегать к женской манере общения, один - в беседе босса с подчиненным. Именно последний оказался реализатором дисфлуэнтора-эхо. (Примечателен возраст коммуникантов: 52, 56 и 58 лет, т.е. тот, когда и мужчины начинают больше внимания уделять солидарности, отношениям). Представляется важным отметить, что дисфлуэнторы-эхо, т.е. дисфлуэнторы сотрудничества, отношений оказались практически не чувствительными к фактору образования, весьма мощному средству нивелирования гендерных отличий. Ниже представлен фрагмент телебеседы, в которой принимали участие мужчина, один из самых высокопоставленных должностных лиц России и известная женщина, депутат Госдумы:

7. *A: И вот в этом нашем старании, в-в... м-м...*

B: Мм...

A: Мм... в стремлении совершенствоваться

B: Да...

A: стремлении стать лучше...

Вторая реплика в данном фрагменте реализована в формальной обстановке образованной женщиной и имеет своей целью манифестацию солидарности, полной поддержки другого коммуниканта.

Прямые и косвенные сигналы трудностей в женском вербальном поведении встречаются примерно в таком же количестве, как и в мужском. Однако только около 40 % из них манифестируются без эмоциональных наслоений, что представляет собой значительно большее количество, чем у мужчин. Кроме того, процент косвенных сигналов прецессионных трудностей у них (т.е. женщин) значительно больше (в среднем, на 12,5 %). Примерами таких сигналов могут быть дисфлуэнторы в фрагментах 8, 9 и 10.

8. А: М-м ... А я не уверена.

9. А: Э-э ... Не ведаю. Не. Э-э. Не ведаю.

10. А: Uh ... uh ... I don't know.

Сигналы ошибок имеют небольшой процент употребления. Фразы типа «Take the app... - uh, the orange please» возможны в речи представителя любого гендера. Вместе с тем если принять все зарегистрированные сигналы ошибок такого рода за 100 %, то оказывается, что до 65 % из них реализовываются в речи мужчин. В речи женщин их меньше, однако ввиду того, что около 70 % из них у женщин реализуются с значениями досады на себя, растерянности за оплошность, дисфлуэнторы-знаки ошибок оказываются весьма заметными именно в женской речи.

Весьма малочисленной, к тому же встречающейся только в поведении женщин русской и белорусской культур является разновидность уменьшительно-ласкательных дисфлуэнторов, например:

11. Гмм... гм! Гэмчиш-и! И не определишь сразу!

12. Э-э... Эмм... эмчики... Да, конечно!

13. А-а... што? Это... а... аюшкиш... Ты знаешь, не знаю!

14. Ыгы... ыгы... ыгышачкі... Добра! Так няхайяно ібудзе.

15. А: Ты тады... э-э... эгээ... эгэшачкі... Вось янояк! Бачыш ты?

Б: Бачу.

16. (на входе)

А: гШ вой-вой! А я... а войкі... вой! Ды я тут прама і не маю што сказаць! Праўда!

17. Тэ-экс! Тэкс... Тэксачкі... Тэкс! Як гэта... а? Не ведаю от, што табе і сказаць. Тэкс' :

Употребительность таких уменьшительных форм исключительно редка. В нашем материале они не составляют даже 0,01 % от общей суммы зарегистрированных дисфлуэнторов. Данный вывод сделан не только на основе анализа обширных массивов записей коммуникативного поведения, но и специального наблюдения во всех доступных присутствию актах общения. В наших записях зарегистрировано всего 14 таких примеров, 7 в речи русских коммуниканток, 6 - белорусских. Плюс 11 дополнительных, зарегистрированных во время наблюдений аутентичного общения. Единственный пример, реализованный в мужском голосе из упомянутых 14, представляет собой некоторое подтрунивание-передразнивание, попытку мужчины имитировать женскую манеру и не является аутентично мужской реакцией:

18. А: А-а-ах! Ахцішачкі! Што ты!

Б: Ахцішачкі - ахці!

А: Ага! Праўда! Я таксама здзіўляюся.

Как видно из приведенного фрагмента, коммуникант-женщина (А) даже не воспринимает юмор в реакции мужчины (Б), а принимает его реплику за чистую монету, объединяя ее в единый совместный блок удивления.

Других случаев мужской реализации уменьшительно-ласкательных дисфлуэнторов нами не зарегистрировано.

Обычная семантика таких дисфлуэнторов - обдумывание или неуверенность в ответе. Как правило, они реализуются в весьма типичной позиции манифестации неуверенности, особенно перед так называемыми неответами (non-answers), т.е. в репликах типа «Не знаю», «Не ведаю», «I don't know». Причем, зачастую, именно тогда, когда коммуникант в действительности знает, что сказать, но не в состоянии определить, в какой именно форме следует преподнести ответ, чтобы поддержать отношения. Или не может извлечь нужную информацию из памяти. Последние исследования дисфлуэнтности в области когнитивной лингвистики, как известно, сосредоточиваются на поисках того, насколько такие реакции могут быть сигналами неправильно интерпретированных предшествующих фрагментов коммуникативного события или, наоборот, в какой степени они могут определить, знает ли говорящий в действительности правильный ответ [9, 10]. Наше исследование сосредоточено на другом, а именно: некоторые проявления таких реакций оказываются весьма дистинктивными в гендерном плане. Представленные уменьшительные формы вместе с упомянутыми эмоциональными вариантами дисфлуэнторов-сигналов обдумывания являются именно такими дистинктивными формами.

Специальный эксперимент по определению гендера говорящих показал, что они, т.е. уменьшительно-ласкательные дисфлуэнторы, относятся к максимально гендерно специфичным формам. В ходе экспери-

мента представленные в письменном виде фрагменты устного общения, включающие уменьшительно-ласкательные дисфлуэнторы, однозначно оценивались информантами как женские реакции. Подобный максимальный процент идентификации встречается весьма редко. Обычно имеет место значительный процент ошибок и неожиданных интерпретаций. Примечательны результаты восприятия фрагмента № 14 в печатном виде, т.е. без голоса, несущего информацию о гендере. Только один информант из десяти точно определил гендер коммуникантов. Двое затруднились ответить, семь других однозначно интерпретировали все реплики как женские. Видимо, уменьшительно-ласкательные формы в отсутствие голоса явились мощной подсказкой к такому решению, что позволяет заключить о существовании некоторых социально сформированных знаний о том, что такие формы соотносятся именно с женским вербальным поведением.

Гендер, однако, может быть артикулирован и, практически, идентичными по форме дисфлуэнторами. Так, те из них, которые локализируются в позиции, предшествующей так называемым неответом, могут быть гендерно дистинктивными. Но не по форме или общей частотности, а по тем скрытым мотивам, которые вызвали их появление в речи. Такие интенции не всегда просто идентифицировать. Наша интерпретация записанных фрагментов показала, что у женщин реализация дисфлуэнторов в значительно большем количестве случаев связана со стремлением к определенным отношениям, к солидарности. У мужчин, соответственно, чаще с потребностью поиска адекватного ответа как такового, установления истины.

Представляется важным отметить, что, в целом, дисфлуэнторов-вокализованных реакций в репликах женщин только незначительно больше. Однако перцептивное впечатление о женской речи чаще всего описывается в терминах меньшей последовательности, логичности, сбивчивости. Представляется, что подобное впечатление может сформироваться за счет большей частотности весьма заметных дисфлуэнторов: эмоциональных реакций и уменьшительно-ласкательных вокализаторов. Они не только значительно более частотны в женской речи, но и более заметны и, что самое главное, отрицаются как достойные реакции логически мыслящего человека.

Если обратиться к другим разновидностям дисфлуэнторов - ложным началам, повторам, самоперебивам, самокоррекциям, перестройкам конструкций, то окажется, что все они, как и вокализаторы-захваты, более частотны именно в мужской речи, что подтверждает выводы многих исследователей, полученные, правда, на другом материале, что женское вербальное поведение строже следует правилам употребления языковых средств. В ней, соответственно, меньше всевозможных отклонений и нарушений. Вместе с тем, проведенное исследование роли дисфлуэнтности позволяет усомниться в правильности значительно распространенного мнения о том, что дисфлуэнторы являются знаками нарушения, отклонения. В известных пределах они представляют собой не что иное, как сигналы аутентичности общения. Их отсутствие затрудняет не только говорение, но и понимание. Без них, поэтому, свободное говорение невозможно. Как невозможна и полноценная артикуляция гендера. Последняя осуществляется с помощью определенных количественных показателей употребления разнообразных разновидностей дисфлуэнторов, не релевантных по общим показателям в группе лиц с высшим образованием, дистинктивных в группах со средним и незаконченным средним образованием, что отражается в большем общем количестве дисфлуэнторов в свободном говорении мужчин со средним образованием, женщин - с незаконченным средним образованием; существованием гендерно дистинктивных дисфлуэнторов, крайне редко употребляемых, но чрезвычайно сильных в манифестации гендера. Таковыми правомерно считать уменьшительно-ласкательные разновидности дисфлуэнторов. Общие тенденции употребления дисфлуэнторов в подавляющем большинстве однотипны во всех культурах.

Возраст является мало различительным фактором, относительную значимость он приобретает в группе самых старших коммуникантов, отражаясь в большем количестве дисфлуэнторов на 100 слов текста.

Факторы абстрактности и новизны темы, а также длины интонационных групп, фраз и высказываний значимы независимо от гендера и культуры коммуниканта. Вместе с тем в мужском говорении в публичной сфере реализуется значительно большее количество длинных и сложных по структуре высказываний.

Количественные показатели дисфлуэнтности, манифестирующиеся в захватах, сигналах начала говорения, значительно более высокие в мужской речи, равно как и частотность повторов, самокоррекций, ложных начал и самоперебивов.

Употребительность дисфлуэнторов, реализующих информацию об эмоциональном состоянии говорящих и тех, которые направлены на поддержание разговора, солидарности, а также предвестников значительно больше в женской речи. При этом дисфлуэнторы, маркирующие эмоциональные состояния, заметно отличаются по набору наиболее частотных эмоций: недовольство, настоятельность, давление, категоричность, раздраженность чаще проявляются у мужчин, сомнение, боязнь, возбуждение, всевозможные состояния радости и печали - у женщин.

Культурная специфика артикуляции гендера средствами дисфлуэнтности проявляется не в общих тенденциях, а в их количественных манифестациях. Так, частотность репрезентации эмоционально окрашенных дисфлуэнторов (общая и с учетом гендерно дистинктивного перечня эмоций) значительно выше в речи американцев, менее высокая в речи русских и англичан и наименьшая у белорусов, особенно мужчин.

Реализация дисфлуэнторов-знаков отношений или интенций солидарности более частотна в говорении белорусских и русских женщин. У американок и англичанок больше сформированных по всем правилам языка фраз, манифестирующих солидарность.

Дисфлуэнторы-сигналы общей коммуникативной направленности последующих высказываний и их наиболее общей семантики также более употребительны в речи американцев. Белорусские и русские говорящие манифестируют их заметно меньше как мужчины, так и женщины.

Частотность дисфлуэнторов-захватов заметно более высокая в поведении мужчин вообще, имеет максимальные показатели в говорении американцев и наименьшие - белорусов.

Вместе с тем зафиксированы и культурно специфические черты артикуляции гендера средствами дисфлуэнтности, а именно: уменьшительно-ласкательные вокализаторы в речи белорусок и русских, отличающиеся максимальной дистинктивностью при минимальной частотности в речи.

Наиболее нивелирующим фактором, сглаживающим гендерные различия в речевом поведении, является образование, что подтверждает социальный характер гендера. Вместе с тем отмеченные различия по типам дисфлуэнторов прослеживаются даже с учетом уровня образования.

Объективных данных о большей дисфлуэнтности женской речи настоящее исследование представить не может. Наоборот, общие показатели дисфлуэнтности незначительно выше в мужском говорении во всех культурах. Субъективная же оценка говорения трактует мужскую речь как более упорядоченную, а женскую как сумбурную и хаотичную во всех культурах, что позволяет предположить существование в них разных социально сформированных оценок дисфлуэнторов в зависимости от разновидностей последних: более положительной для перебивов, самокоррекций, захватов, ложных начал и отрицательной для сигналов, более типичных для женщин, т.е. маркеров эмоциональных состояний, знаков солидарности и отношений.

В настоящее время дисфлуэнтность относится к малоизученным областям макролингвистики, причем в гендерном аспекте - к не изученным вовсе. Настоящая работа не исчерпывает описание особенностей маркирования гендера средствами дисфлуэнтности, оно, по существу, только ставит проблему, показывая ее значимость для гендерной лингвистики и описывая лишь некоторые разновидности дисфлуэнторов в плане их роли в создании гендерной маркированности аутентичного говорения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Levinson S.C. Pragmatics. - Cambridge University Press, 1995.
2. Lakoff R. Questionable answers and answerable questions // Issues in Linguistics: Papers in Honor of Henry and Renee Kahane / Eds. B.B. Kachru et.al. Urbana: University of Illinois Press, 1990.
3. Garman M. Psycholinguistics. - Cambridge University Press, 1999.
4. Halliday M.A.K. Spoken and Written Language. - Oxford University Press, 1992.
5. Bortfeld H., Leon S.D., Bloom J.E., Schober M.F., Brennan S.E. Disfluency Rates in Conversation // Language and Speech. - 2001. - № 44/2.
6. Fox Tree J.E. The effects of false starts and repetitions on the processing of subsequent words in spontaneous speech // Journal of Memory and Language. - 1995. - № 34.
7. Fox Tree J.E., Clark H.H. Pronouncing «the» as «thee» to signal problems in speaking // Cognition. - 1997. - № 62.
8. Clark H.H., Wasow T. Repeating words in spontaneous speech // Cognitive Psychology. - 1998. - № 37.
9. Brennan S.E., Williams M. The feeling of another's knowing: Prosody and filled pauses as cues to listeners about the metacognitive states of speakers // Journal of Memory and Language. - 1995. - № 34.
10. Boom J.E., Schober M.F. Respondent cues that survey questions are in danger of being misunderstood // Proceedings of the American Statistical Association, Section on Survey Research Methods. - Alexandria, VA American Statistical Association.